

Золотая коллекция классического детектива

Подарок всем любителям детектива!

Здесь есть истории на любой вкус: классические, динамичные, приключенческие! Их авторы — признанные мастера детективного жанра — А. Конан Дойл, Э. А. По, Г. К. Честертон, Э. Габорио и др.

Вас ждет встреча с любимыми персонажами — обаятельным Арсеном Люпенем и хладнокровным Ником Картером, прославленным Шерлоком Холмсом и скромным отцом Брауном, бесстрашным Натом Пинкертоном и другими.

Здесь собраны только лучшие детективы с непредсказуемым финалом! Дерзкие ограбления и рискованные авантюры, покушения из-за угла и поединки лицом к лицу, запутанные головоломки и их блестящие решения — эти истории держат в напряжении до последней страницы!

А. КОНАН ДОЙЛ
Г. К. ЧЕСТЕРТОН
Э. А. ПО
Э. УОЛЛЕС

М. ЛЕВАН • НАТ ПИНКЕРТОН • НИК КАРТЕР • Э. ГАБОРИО

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СИНДБАТ»

Золотая коллекция классического детектива

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2013

© DepositPhotos.com / Valery Sibrikov, kvkirillov, Nuttapong Maksonsong, rejo, Dragan Nikolic, обложка, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2013

ISBN 978-966-14-5008-9 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

3-80 **Золотая** коллекция классического детектива : сборник / сост. Е. Э. Лесовиковой ; худож. Д. Скляр. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2013. — 960 с. : ил.

Содерж. авторов: Артур Конан Дойл, Гилберт Кийт Честертон, Эдгар Аллан По, Эдгар Уоллес, Морис Леблан, Нат Пинкертон, Ник Картер, Эмиль Габорио.

ISBN 978-966-14-4255-8 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2200-2 (Россия)

УДК 821.111

ББК 84.4ВЕЛ

Артур Конан Дойл

Сэр Артур Игнатиус Конан Дойл — шотландский и английский врач и писатель. Артур Конан Дойл родился в Эдинбурге 22 мая 1859 года в семье художника. В 1881 году он окончил медицинский факультет Эдинбургского университета и как корабельный врач совершил путешествие в Африку.

Вернувшись на родину, он занялся медицинской практикой в одном из районов Лондона. Защитил диссертацию, стал доктором медицины. Постепенно начал писать рассказы и очерки в местные журналы.

Героем его рассказов под именем сыщика-любителя Шерлока Холмса стал преподаватель Эдинбургского университета Джозеф Белл, который любил поразить воображение студентов своей чрезмерной наблюдательностью и умением с помощью «дедуктивного метода» разобраться в самых сложных и запутанных проблемах. Правда, первая повесть осталась незамеченной, зато следующая — «Знак четырех» (1890) — принесла автору популярность. В начале 90-х годов XIX века один за другим выходят сборники рассказов «Приключения Шерлока Холмса», «Воспоминания о Шерлоке Холмсе», «Возвращение Шерлока Холмса».

Читатели требовали от автора все новых и новых произведений о любимом герое, но Конан Дойл понимал, что фантазия его постепенно угасает, и написал несколько произведений с другими главными героями — бригадиром Жераром и профессором Челенджером.

Дойл много путешествовал, плавал судовым врачом в Арктику на китобойном судне, в Южную и Западную Африку, служил полевым хирургом во время англо-бурской войны.

В последние годы жизни Конан Дойл увлекся спиритизмом и даже издал двухтомный труд «История спиритизма» (1926).

Умер Конан Дойл в 1930 году в возрасте 71 года. Он сам написал свою эпитафию:

Я выполнил свою простую задачу,
Если дал хотя бы час радости

Мальчику, который уже наполовину мужчина,
Или мужчине — еще наполовину мальчику.

Мой друг, убийца

— Доктор, четыреста восемьдесят первому номеру лучше не становится, — укоризненно произнес старший надзиратель, заглянув в приоткрытую дверь моего кабинета.

— Ну и черт с ним, — ответил я, не отрывая глаз от газеты.

— А шестьдесят первый жалуется, что у него болит горло. Может, поможете?

— В этом шестьдесят первом уже столько лекарств, что по нему фармакопею изучать можно, — сказал я. — Он сам как ходячая аптека. А горло у него здоровее вашего.

— Так, а седьмой и сто восьмой? Это хроники, — продолжил надзиратель, бросив взгляд на синий листок бумаги. — И двадцать восьмой вчера на работу не вышел, сказал, что, когда поднимает тяжести, у него в боку колет. Я бы хотел, чтобы вы его осмотрели, доктор, если можно. А у восемьдесят первого — это тот, который Джона Адамсона на бриге «Коринфянин» убил, — ночью какой-то приступ был. Он до утра орал как сумасшедший.

— Ну хорошо, хорошо, осмотрю его попозже. — Небрежно отбросив газету, я потянулся за кофейником. — Надеюсь, это все?

Надзиратель просунул голову чуть дальше в комнату.

— Прошу прощения, доктор, — перешел на доверительный тон офицер, — но мне показалось, что у восемьдесят второго что-то вроде простуды намечается, так что у вас есть хороший повод заглянуть к нему и переброситься парой словечек.

Моя рука с чашкой кофе замерла в воздухе на полдороге ко рту. Я изумленно воззрился на серьезное лицо надзирателя.

— Повод? — произнес я. — У меня есть хороший повод? Что вы несете, Мак-Ферсон? Я, когда не смотрю за заключенными, весь день, как проклятый, бегаю по больным, вечером возвращаюсь уставший как собака, а вы подыскиваете мне лишний повод работать еще больше?

— Вам это понравится, доктор, — уже показалось из-за стены плечо надзирателя Мак-Ферсона. — Этого человека стоит послушать,

если, конечно, вам удастся его разговорить. Вообще-то он парень не болтливый. Или вы не знаете, кто такой восемьдесят второй?

— Нет, не знаю. И знать не хочу! — отрезал я, полагая, что мне в качестве знаменитости подсовывают какого-нибудь местного бандита.

— Это Мэлони, — многозначительно произнес надсмотрщик. — Тот самый, который сдал своих сообщников после убийств в Блюменсдайке.

— Не может быть! — воскликнул я, в изумлении опуская чашку. Я слышал об этой серии ужасных убийств и читал о них в одном из лондонских журналов задолго до того, как попал в Австралию. Мне тут же вспомнилось, что эти зверские преступления своей жестокостью затмили даже злодеяния Берка и Хейя[1] и что самый безжалостный член банды спасся от виселицы только тем, что согласился свидетельствовать против своих сообщников на суде. — Вы уверены, что это он? — спросил я.

— О, можете не сомневаться. Просто раскачайте его немного, и он уж вас удивит, будьте уверены. С таким человеком, как этот Мэлони, стоит познакомиться поближе. До определенной степени, конечно, — лицо надсмотрщика расплылось в довольной улыбке, он коротко кивнул и скрылся за дверью, оставив меня заканчивать завтрак и размышлять над услышанным.

Должность медика при австралийской тюрьме завидной не назовешь. Возможно, где-нибудь в Мельбурне или Сиднее такая работа еще может показаться сносной, но такому небольшому городу, как Перт, завлечь почти ничем, да и немногие его прелести уже давно исчерпались и обрыдли. Климат здесь был отвратительный, общество — и того хуже. Жизнь местных обитателей была неразрывно связана с животноводством; так что все разговоры здесь сводились к обсуждению цен, болезней и вопросов разведения овец и коров. Я, как человек пришлый, ни тех, ни других не держал, и новые средства избавления от паразитов, лечение парши и другие подобные темы меня совершенно не интересовали, поэтому я оказался в некоторой интеллектуальной изоляции и был страшно рад чему угодно, что могло хоть как-то развеять однообразие моего существования. Убийца Мэлони по крайней мере был личностью неординарной, выделялся на общем фоне и мог стать для меня глотком свежего воздуха в рутине повседневности. Я решил, что воспользуюсь советом надсмотрщика и

познакомлюсь с ним. Итак, во время обычного утреннего обхода я остановился у двери с соответствующим номером, повернул в замке ключ и вошел в камеру.

Заключенный лежал на нарах в расслабленной позе, но при моем появлении тут же поднялся, спустил на пол длинные ноги и устремил на меня дерзкий, но настороженный взгляд, не предвещавший легкой беседы. С бледным скуластым лицом, рыжеватыми волосами и сероголубыми кошачьими глазами, мускулистый и высокий, он тем не менее производил впечатление человека, обладающего каким-то физическим недостатком из-за слишком низко опущенных плеч. Какой-нибудь прохожий, встретив Мэлони на улице, принял бы его за обычного респектабельного мужчину довольно привлекательной наружности. Даже в уродливой арестантской робе этой гнилой тюрьмы он держался с определенным достоинством, что отличало его от остального сброда соседних камер.

— На здоровье я не жаловался, — вместо приветствия грубо произнес он. Этот хриловатый резкий голос живо напомнил мне, что передо мной сидит гроза Лена-вэлли и Блюменсдайка, самый безжалостный головорез из тех, которые когда-либо грабили фермы или перерезали глотки их обитателям.

— Я знаю, — ответил я. — Но надзиратель Мак-Ферсон сказал, что у вас простуда, вот я и решил к вам зайти.

— А не пошли бы вы к черту вместе со своим Мак-Ферсоном! — закричал вдруг заключенный в неожиданном приступе ярости. — Ах да, — добавил он уже чуть спокойнее, — теперь давайте, бегите строчить доклад коменданту. Ну? Добавьте мне еще полгода или сколько там полагается... Вперед!

— Я не собираюсь писать на вас доклад, — миролюбиво возразил я.

— Восемь квадратных футов, — он, похоже, пропустил мимо ушей мои слова и снова начал впадать в ярость: — Восемь квадратных футов, и даже тут я не могу жить спокойно! Обязательно найдется какая-нибудь гнида, которой, видишь ли, хочется поговорить, поглазеть... Да чтоб вас всех разорвало! — Он поднял над головой руки и затряс сжатыми кулаками, сопровождая свой жест потоком отборных ругательств.

— Странное у вас представление о гостеприимстве, — изо всех сил стараясь оставаться спокойным, произнес я первое, что мне пришло в голову.

К моему удивлению, он тут же замолчал и уставился на меня широко раскрытыми глазами. В том, что он так яростно отстаивал, а именно в его праве относиться к этой камере как к собственному жилью, я вроде бы не усомнился, и это, похоже, стало для него совершенной неожиданностью.

— Прощу меня извинить, — смущенно произнес он. — Я немного погорячился. Присаживайтесь, — указал он на грубую скамью, которая служила ему продолжением ложа.

В сильном недоумении от столь внезапной перемены я сел. Не уверен, что Мэлони в подобном спокойном состоянии располагал к себе больше. Кровожадный убийца на какое-то время исчез, но теперь неожиданно мягкий голос и подобострастная манера указывали на доносчика, который ради того, чтобы спасти свою шкуру, с легким сердцем отправил на виселицу тех, с кем совершал свои страшные преступления.

— В груди боли есть? — спросил я, напуская на себя деловой вид.

— Да бросьте вы, доктор... Бросьте! — улыбнулся он, обнажая два ряда белых зубов, и уселся на край лежака. — Вас же сюда привела вовсе не забота о моем драгоценном здоровье. Можете не прикидываться. Вы пришли посмотреть на Вулфа Тона Мэлони, фальшивомонетчика, убийцу, грабителя и стукача. Вы ведь так меня себе представляете, да? Ну вот он я, во всей красе. Как видите, не такой уж и страшный.

Он помолчал, как будто ожидая от меня какого-то ответа, но, поскольку я молчал, повторил еще пару раз:

— Не такой уж я страшный... А что мне оставалось делать? — вдруг возмутился он, его сатанинское нутро снова дало о себе знать. — Все равно нас всех должны были вздернуть. Всех до одного. От того, что я их сдал и этим спас себя, они лучше не стали. В этом мире каждый сам за себя, а уж дьявол выберет, кому повезет больше. У вас табаку жевательного не найдется, доктор?

Он набросился на кусок «барретта», который я ему протянул, как голодный дикий зверь. Табак, похоже, несколько успокоил его нервы,

поскольку он уселся поудобнее и снова заговорил извиняющимся голосом.

— Представьте себя на моем месте, доктор, — сказал он. — Любой бы тут немного тронулся. Меня на этот раз на шесть месяцев упекли за драку, и знаете что? Когда этот срок выйдет, я буду очень жалеть. Здесь мне спокойно, живу себе тихо-мирно, но как представлю, что меня ждет на воле... С одной стороны власти, с другой — Расписной Том из Хоуксбери. Какое там спокойствие!

— А кто это? — поинтересовался я.

— Брат Джона Гримторпа, одного из тех, кого после моих показаний приговорили. О, это был отъявленный мерзавец, дьявольское отродье, и братец его не лучше! Этот, с татуировками, — бандюга, каких поискать. Он после суда поклялся мне отомстить. Прошло уже семь лет, а он все еще преследует меня. Я это точно знаю, хоть сейчас его не видно и не слышно. В семьдесят пятом он меня выследил в Балларате, вот, видите, у меня на тыльной стороне ладони шрам — это от его пули. В семьдесят шестом в Порт-Филлипе[2] мы с ним снова встретились, но мне тогда повезло больше, я его подстрелил, правда, он выжил. В семьдесят девятом он порезал меня в баре в Аделаиде, так что после этого мы были, можно сказать, квиты. Но сейчас он опять где-то здесь ошивается, выискивает способ отправить меня на тот свет. И он это сделает, если только... Если только не случится чудо и кто-нибудь не сделает этого с ним самим раньше, — и Мэлони криво улыбнулся.

— Но, если честно, я на него не в обиде, — продолжил он. — Для него-то ведь это дело кровное, просто так его не бросишь. Власти наши — вот что выводит меня из себя. Когда я думаю о том, что я сделал для этой страны и что получил взамен, у меня все внутренности начинают переворачиваться... Я просто сатанею. У нас уже никто не помнит, что такое благодарность или обычные правила приличия, доктор!

На несколько минут он призадумался, должно быть, над жизненными тяготами, которые выпали на его долю, после чего приступил к их подробному изложению.

— Представьте. Девять отъявленных мерзавцев, — сказал он. — Три года они промышляют убийствами и грабежом. Не проходит и недели, чтобы они не отняли чью-то жизнь. И вот их ловят, полиция

пытается доказать их вину, но ничего не получается. Почему? Да потому, что эти девятеро знали свое дело и всем свидетелям, кто хоть что-то мог рассказать, перерезали горло. Что же происходит потом? Возникает некий гражданин по имени Вулф Тон Мэлони и говорит: «Я нужен стране, и я готов послужить ей». После чего дает показания против остальных. Судьям этого вполне достаточно, чтобы отправить негодяев на виселицу. И что же тут плохого, спрошу я вас. Разве я сделал что-то предосудительное? И что же я получаю в благодарность от этой страны: меня преследуют, сэр, за мной шпионят, не сводят с меня глаз ни днем, ни ночью. Человек, который столько трудился для ее блага, подвергается самому настоящему гонению. Кто может такое вынести? Конечно, я не жду, что мне дадут орден или сделают министром колоний, но я-то, черт побери, рассчитывал, что меня после суда оставят в покое!

— Но вы же не думаете, — возразил я, — что помощь, которую вы оказали, даст вам пожизненную амнистию.

— Я говорю не о нынешнем заключении, сэр. — Голос Мэлони преисполнился достоинства. — То, во что превратилась моя жизнь после того проклятого суда, вот что выматывает мне душу. Я вам сейчас все расскажу. Выслушайте меня до конца и скажите, справедливо со мной обошлись власти или нет.

Далее я изложу рассказ заключенного его собственными словами настолько точно, насколько я их запомнил, сохранив его довольно извращенное понимание добра и зла. Я могу поручиться за точность изложенных им фактов, но сделанные на их основании выводы пусть останутся на его совести. Через несколько месяцев после нашего разговора я встретился с инспектором Г. У. Хэнном, бывшим комендантом данидинской[3] тюрьмы, и он показал мне свой журнал, записи в котором полностью подтверждают каждый факт из рассказа Мэлони, который поведал он мне в то утро глухим невыразительным голосом, с низко склоненной головой и зажатыми между коленями руками. Лишь блеск кошачьих глаз указывал на волнение, охватившее его при воспоминании о тех событиях.

***

Вы наверняка читали о Блюменсдайке (не без гордости начал он). О, это название было у всех на устах, когда мы там хозяйничали. Потом-то нашлась одна умная ищейка по фамилии Бракстон, который со своим напарником, проклятым янки, выследил нас и сцапал всю нашу честную компанию. Ну, вы, разумеется, знаете, что это было в Новой Зеландии, так вот, нас отправили в Данидин, там же вынесли приговор, и всех моих дружков повесили. Когда мы сидели на скамье подсудимых, они все как один подняли руки и наградили меня такими проклятиями, что, если бы вы их услышали, кровь бы застыла у вас в жилах... Довольно подло с их стороны, потому что мы ведь как-никак были друзьями. Но ладно уж, все равно они были отъявленными мерзавцами, и каждый думал только о себе. Хорошо, что их всех повесили.

После этого меня отправили обратно в данидинскую тюрьму и посадили в нашу старую камеру. Вся разница заключалась в том, что теперь мне не нужно было работать и кормить меня стали лучше. Я это терпел недели две, пока однажды с обходом к нам не пожаловал комендант. Ну, я, само собой, и выложил ему свои претензии.

— Что происходит? — спросил его я. — Мне обещали, что меня отпустят, а вы держите меня здесь. Вы же нарушаете закон.

Он как-то непонятно улыбнулся.

— Тебе так хочется отсюда выйти?

— Да! Причем так сильно, что, если сейчас же вы не откроете дверь, я вас сам засужу за незаконное лишение свободы.

Моя решительность его, похоже, немного удивила.

— Что-то тебе уж сильно не терпится попасть на тот свет, — сказал он.

— Что это вы имеете в виду? — удивился я.

— Пойдем со мной, сейчас ты увидишь, что я имею в виду, — сказал он и повел меня в дальний конец коридора, к окну, из которого были видны ворота тюрьмы. — Смотри! — произнес он.

Я выглянул. На улице перед воротами стояло с десятков сурового вида парней. Одни курили, другие играли в карты прямо на тротуаре. Увидев меня, они словно с цепи сорвались и с дикими криками, размахивая кулаками, ринулись к воротам.

— Они ждут тебя. Наблюдают за всеми выходами из тюрьмы, — сказал комендант. — Все они — представители «комитета

бдительности»[4]. Впрочем, если ты так решительно намерен уйти, задерживать тебя я, конечно же, не имею права.

— И вы называете эту страну цивилизованной? — закричал тогда я. — Вы что, допустите, чтобы человека убили посреди бела дня прямо на улице?

После этих слов и комендант, и надзиратели, и вообще все, кто меня слышал, заулыбались, словно я сказал что-то чрезвычайно остроумное.

— Закон на твоей стороне, — говорит комендант, — так что мы более тебя не задерживаем. Надзиратель, выведите его за ворота.

И этот паршивый ублюдок таки вывел бы меня, если бы я не начал упираться и умолять его. Я даже пообещал заплатить за питание и проживание в их поганой тюрьме, чего раньше, я уверен, не делал ни один заключенный. На этих условиях мне разрешили остаться, и я проторчал там три месяца, пока вся городская шваль дежурила у ворот. Хорошенькое обращение с человеком, который всего-то исполнил свой гражданский долг!

Наконец, в один прекрасный день ко мне снова заглянул комендант.

— Ну что, Мэлони, — сказал он, — долго еще мы будем иметь удовольствие принимать тебя здесь?

Мне тогда захотелось засадить этому гаду перо под ребро, и я бы это обязательно сделал, если бы мы были с ним одни где-нибудь в буше[5], но мне приходилось улыбаться, умасливать его, лишь бы он не выдворил меня за ворота.

— Ты, конечно, шаромыжник тот еще, — представляете, он так и сказал! Мне, человеку, которому он был стольким обязан! — Но я не хочу, чтобы кто-нибудь у меня тут самосуд учинил. Поэтому я нашел способ спровадить тебя из Данидина.

— Вовек вас не забуду, комендант, — сказал на это я. — Честное слово, вовек!

— Не нужны мне твои благодарности или признательность, — ответил он. — Я это сделаю не ради тебя. Просто хочу сохранить спокойствие в городе. Завтра утром с западного причала отходит пароход в Мельбурн, посадим тебя на него. Будь готов к пяти утра.

Собрал я свои вещи, которых у меня было не так уж много, и на самом рассвете меня потихоньку вытолкали через заднюю дверь. Ну, я помчался к пристани, купил билет на имя Айзека Смита и

благополучно поднялся на борт мельбурнского парохода. Помню, когда отдали швартовы, я стоял на палубе и слышал, как гребной винт стал опускаться в воду. Я повернулся, облокотился о борт, окинул последним взглядом огни Данидина и подумал: какое счастье, что я никогда больше их не увижу! Мне казалось, что весь мир теперь открыт передо мной и что все мои невзгоды наконец-то остались позади. Потом я спустился вниз, выпил кофе и опять поднялся на палубу. С того самого дня, когда я проснулся и увидел над собой этого проклятого ирландца с шестизарядной пушкой в руке, у меня еще не было такого прекрасного настроения.

К тому времени уже совсем рассвело, мы плыли на всех парах вдоль берега, Данидина уж давно видно не было. Пару часов я прогуливался по палубе, а когда солнце уже высоко поднялось, стали выползать и остальные пассажиры. Один, такой невысокий, нагловатый тип, долго смотрел на меня, потом подошел и говорит:

— Что, небось старатель?

— Да, — отвечаю.

— Ну и как, заработал чего-нибудь? — спрашивает.

— Да так, — говорю. — Есть немного.

— Я и сам старателем был, — не отставал он. — Три месяца корячился на полях у Нельсона[6]. Все, что заработал, пустил на покупку участка, но он оказался «засоленным», так что золотишко там иссякло на следующий день. Но я не стал сидеть сложа руки, опять пошел работать, разбогател. Правда, когда обоз с золотом шел в город, на него напали грабители, чтоб им пропасть! Ты представляешь, цента медного не оставили, забрали все!

— Да, не повезло, — говорю я.

— Я остался ни с чем! Я разорен, и как теперь жить, не знаю. Но ничего, меня утешает то, что я своими глазами видел, как этих бандюг вздернули на виселице за их «подвиги». Один только остался... Тот, который всех своих дружков и заложил. Эх, как бы мне хотелось с ним встретиться! Уж я бы тогда...

— Что? — спокойно так интересуюсь я.

— Сначала узнал бы, где деньги... Спустить-то их они не могли, просто не успели бы, так что наверняка они спрятаны где-то в горах. А потом... свернул бы шею этому подонку, чтобы он в аду повстречался с теми, кого предал.

Я тогда подумал: а ведь мне кое-что известно об этих денежках, и рассмеялся, но этот тип все смотрел на меня, и взгляд у него был каким-то уж слишком жестким, мстительным. В общем, заводить с ним дружбу мне не хотелось, поэтому я сказал:

— Ну ладно. Пойду-ка я на мостик.

Но он вцепился в меня, как клещ.

— Ты что, — говорит, — мы же оба старатели! Будем вместе держаться до конца поездки. Пошли в буфет. На пару стаканов денег у меня еще хватит.

Как от него отделаться, я не придумал, поэтому пришлось идти с ним. С этого и начались мои неприятности. Разве я сделал что-то плохое кому-нибудь на том корабле? Все, что мне было нужно, — доплыть себе спокойно куда мне надо, никого не трогая, и чтобы меня никто не трогал. Неужели я не имею на это права? Но теперь послушайте, чем все закончилось.

По пути в бар мы проходили мимо дамской комнаты, когда оттуда появилась служанка... дьяволица конопатая... с ребеночком на руках. Идем мы мимо нее, и тут она как завизжит, ну прямо как паровозный свисток, чуть ребенка не выронила. Когда я этот крик услышал, у меня самого чуть сердце не остановилось. Ну, я подумал, что, наверное, на ногу ей наступил, повернулся к ней и начал извиняться, но когда увидел, как она побледнела, прижалась к двери и стала тыкать в меня пальцем, понял, в чем дело.

— Это он! Он! Я его на суде видела, — заголосила она, а потом мне кричит: — Не приближайся к ребенку!

— Кто, кто это? — сразу стали спрашивать стюард и еще с полдюжины тех, кто был рядом.

— Он это... Мэлони! Убийца Мэлони! Заберите его! Заберите!

Что потом происходило, я точно не помню. Вдруг я увидел прямо перед собой пол и чьи-то ноги, услышал крики, ругань, меня начали колотить, осыпать проклятиями, кто-то закричал про свое золото. В общем, началась свалка. Когда я чуть очнулся, у меня во рту была чья-то рука. Потом-то я понял, что, наверное, это была рука моего нового знакомого, того самого, со злобным взглядом. Он-то руку все-таки смог выдернуть, но только потому, что остальные меня душили. Конечно, легко им было всей гурьбой на одного лежачего... Но я думаю, этот гад будет меня помнить до самой смерти, а то и дольше.

Вытащили они меня на корму и устроили самый настоящий суд. Представляете? Надо мной! Мной! Человеком, который для их же блага корешей своих продал! Ну, стали они решать, что со мной делать. Кто-то говорил одно, кто-то другое, в конце концов капитан решил высадить меня на берег. Пароход остановили, спустили шлюпку, меня швырнули в нее, а вся эта банда стояла у борта и улюлюкала мне вслед. Там был и тот парень, с которым я разговаривал, он перевязывал себе руку, и я тогда почувствовал, что еще легко отделался, все могло закончиться для меня намного хуже.

Но еще до того, как мы доплыли до берега, я изменил свое мнение. Я ведь надеялся, что меня высадят и дальше я смогу пойти, куда мне нужно, но корабль-то от города еще не успел далеко отплыть. На берегу стали собираться люди, из тех, которые без дела болтаются по пляжам, и им подобные. Очень уж им любопытно было узнать, почему это с парохода к берегу лодку направили. Когда мы подплыли к берегу, рулевой поприветствовал их, потом доложил, кто я такой, и меня швырнули в воду. А там до дна футов десять, да и не ожидал я такого... К тому же там акул здоровенных что попугаев в кустах, поэтому я изо всех сил стал грести к берегу, а эти сволочи еще начали смеяться.

Скоро я понял, что дела мои совсем плохи. Когда я кое-как весь в водорослях вылез на берег, меня схватил здоровый как бык парень в вельветовой куртке, а еще несколько человек нас окружили. С виду это были обычные людишки, так что я их не особенно испугался, но там был один в шляпе из листьев капустного дерева, рожа которого мне очень не понравилась. К тому же этот здоровяк, похоже, был его дружкойм.

Меня вытащили на середину пляжа, бросили на песок и обступили со всех сторон.

— Привет, приятель, — говорит этот в шляпе. — Мы давно хотели с тобой встретиться.

— Я очень рад, — отвечаю.

— Заткни пасть, — это он мне. — Ну что, ребята, давайте решать, что делать... Повесим или утопим? А может, просто пристрелить его? Что скажете?

Причем говорил он спокойно так, деловито.

— Ничего вы со мной не сделаете! — сказал я. — Я нахожусь под защитой государства. Так что отвечать будете как за убийство.

— Вот именно, убийство, — радостно кивнул тот, в вельветовой куртке, и аж расплылся от удовольствия.

— Вы собираетесь казнить меня за мои прошлые преступления?

— Преступления, преступления, — пробубнил этот громила. — Мы тебя повесим за то, что ты донес на своих товарищей, и хватит нам зубы заговаривать!

Накинули они мне на шею веревку и потащили к бушу. Там росло несколько больших казуарин[7] и эвкалиптов. Выбрали они дерево для своего поганого дела, перекинули веревку через ветку, связали мне руки и велели молиться. Я уж думал, песенка моя спета, но провидению было угодно меня спасти. Сейчас-то мне об этом легко говорить, сэр, но представьте, что я чувствовал тогда, когда передо мной был только длинный берег с белой полосой прибоя, пароход вдали и толпа жаждущих крови негодяев.

Никогда не думал я, что чем-то буду обязан полиции, но в тот раз она спасла мне жизнь. Оказывается, как раз в ту минуту мимо скакал их отряд из Хоукс-поинт-стейшн в Данидин. Услышав шум, они направились к сборищу. Я пару раз в жизни слышал, как играет оркестр, доктор, но музыки более сладостной, чем бряцание их шпор и сбруи, когда они выскочили из буша, мне слышать не приходилось. Те гады, правда, все равно хотели довести свое дело до конца, но полицейские оказались быстрее. Тот, что в шляпе, даже получил по голове плоской стороной сабли. Меня закинули на спину лошади, и уже до вечера я снова оказался в своей старой камере в городской тюрьме.

Не скажу, что комендант был рад моему возвращению. Он все равно жаждал отделаться от меня, да и мне не хотелось лишний раз любоваться на него, поэтому подождал он недельку, пока шум уляжется, и тайком переправил меня на трехмачтовую шхуну, которая должна была доставить в Сидней партию жира и кож.

Когда мы отплыли далеко в море, я уж начал подумывать, что на этот раз все будет хорошо. По крайней мере, я был уверен, что в тюрьму больше не вернусь. Правда, экипаж шхуны примерно представлял, кто я такой, поэтому, случись какая непогода, меня бы мигом швырнули за борт, потому что матросы там были людьми

грубыми и необразованными и им казалось, что я принесу неудачу их судну. Но, к счастью, погода стояла хорошая, и меня в целостности и сохранности высадили в Сиднее.

Но вы только послушайте, что произошло потом. Я, честно говоря, решил, что всем уже надоело за мной гоняться, сколько можно-то?! Но, как оказалось (вы только представьте!), тот паршивый пароход отплыл из Данидина в тот же день, что и мы, и прибыл в Сидней раньше нас, чтобы всем растрезвонить о моем приезде. И там прямо в порту собрался самый настоящий митинг. Можете вы себе такое вообразить? Митинг, чтобы решить, как поступить со мной. И вот я, сойдя на берег, угодил прямехонько в эту толпу. Меня тут же взяли под белы ручки, и мне пришлось выслушивать все их речи и постановления. Если бы я был каким-нибудь принцем, и то шуму было бы меньше. В итоге они сошлись на том, что нельзя позволять Новой Зеландии сбегивать своих преступников соседям, и меня нужно отправить обратно первым же судном. Они так и сделали, запихнули меня на какую-то посудину, как будто я не живой человек, а чемодан какой, и после очередного путешествия в восемьсот миль я в третий раз оказался в том самом месте, откуда начал свой путь.

Тогда я стал подумывать о том, что мне до конца дней своих предстоит болтаться между разными портами. Похоже, все вокруг настроены против меня, нигде мне не было покоя. Все это мне уже настолько осточертело, что я готов был вернуться в буш и зажечь прежней жизнью, если бы мне представилась такая возможность. Но меня почти сразу опять посадили под замок. Правда, я успел-таки наведаться к нашему тайнику, о котором я упоминал, и спрятал золотишко себе в пояс. В тюрьме я проторчал еще месяц, после чего меня посадили на судно, идущее в Англию.

На этот раз никто в команде не догадывался, кто я такой. Потом, правда, выяснилось, что капитану все было прекрасно известно, но он до конца плавания этого не показывал. Хотя я все равно сразу смекнул, что капитан этот — сволочь, каких поискать. Плавание выдалось удачным, пару раз в районе мыса Доброй Надежды налетал шторм, но все обошлось, и вот, когда впереди показалась голубая дымка над английским берегом и нас встретил юркий лоцманский катерок из Фалмута[8], я наконец почувствовал себя свободным человеком. Мы прошли через Английский канал[9], и еще до Грейвсенда[10] я

договорился с лоцманом, что он возьмет меня с собой, когда поплывет к берегу. Тогда-то капитан и показал свое истинное лицо: я не ошибся, когда посчитал его коварным типом себе на уме. Я сложил свои вещички и, пока они с лоцманом о чем-то разговаривали, пошел пообедать, но, когда вернулся на палубу, оказалось, что мы уже порядочно углубились в устье Темзы, а катер, на котором я должен был добраться до берега, уплыл. Шкипер сказал, что лоцман просто забыл обо мне, но я ему не поверил. Мне стало жутко, когда я подумал, что мои напасти еще не закончились.

И вскоре мои подозрения подтвердились. От берега к нам подлетел катер, и на палубу взобрался долговязый тип с длинной черной бородой. Я услышал, как он стал спрашивать помощника капитана, не нужен ли им речной лоцман, но мне показалось, что парень этот в наручниках разбирается намного лучше, чем в рулевом управлении, поэтому решил на всякий случай держаться от него подальше. Но он вышел на палубу и даже о чем-то со мной заговорил, при этом пристально меня разглядывая. Мне слишком любопытные люди вообще не нравятся, а уж те, у кого борода явно приклеенная, и подавно (особенно в том положении, в котором я тогда был), поэтому я решил, что пора мне делать ноги.

И вскоре мне представился такой случай, и я, само собой, его не упустил. Прямо у нас перед носом прошел большой углевоз, и пароход пришлось остановить. А в это время позади как раз проплывала баржа. Ну, я по веревке и спустился на нее потихоньку, когда меня никто не видел. Багаж свой, естественно, пришлось бросить на пароходе, но на мне-то был пояс с золотом, да и возможность отделаться от полиции стоила пары чемоданов. К тому времени я уже был полностью уверен, что и капитан, и тот лоцман оказались предателями и сообщили обо мне полиции. Мне и сейчас иногда очень хочется встретиться с этими гадами где-нибудь в темном переулке.

Я весь день слонялся по барже, пока она плыла по реке. На ней, кроме меня, находился только шкипер, но он занимался своим делом. Эта грязная посуда была такой большой, что времени смотреть по сторонам у него не было. Ближе к вечеру, когда начало смеркаться, я прыгнул в воду, поплыл к берегу и оказался посреди какого-то болота в нескольких милях восточнее Лондона. Промокший до нитки и голодный как собака, я кое-как пешком добрался до города, там

прикупил себе новую одежонку в какой-то дешевой лавке, поужинал и снял себе самую тихую комнату, какую только смог найти.

Проснулся я очень рано (эта привычка у меня еще со времен буша осталась), и как раз кстати, так как первым, кого я увидел в щелку между оконными ставнями, был полицейский, рассматривавший окна. У него не было эполетов или сабли, как у наших полицейских, но морда такая же наглая. Не знаю, то ли они с самого начала за мной следили, то ли женщине, которая сдавала мне комнату, я чем-то не понравился, мне этого уже никогда не узнать. Полицейский записал в свою книжечку номер дома, и я уж начал думать, что мне делать, если он сейчас захочет зайти, но, очевидно, ему было приказано просто наблюдать за мной, так как, еще раз окинув взглядом окна, он пошел себе дальше по улице.

Тут я решил, что нельзя терять ни минуты, оделся, тихонько открыл окно и, убедившись, что рядом никого нет, выпрыгнул на улицу и пустился бежать со всех ног. Мили через две-три дыхание у меня стало сдавать. Я увидел огромное здание и толпы людей, которые входили и выходили из него. Я тоже вошел и понял, что это вокзал. Там как раз отходил поезд на Дувр, где можно было пересесть на паром до Франции, так что я купил на него билет и шмыгнул в купе третьего класса.

Там уже сидели два совершенно безобидных с виду молодых парня, явно небогатых, которые болтали о том о сем. Я сидел себе тихо в углу и помалкивал. Потом разговор у них зашел о том, как живется в Англии и других странах. Поверьте, доктор, все было именно так, как я рассказываю. Один из них принялся нахваливать английское правосудие. «У нас все делается честно и открыто, — говорит. — Никакой тебе тайной полиции, шпионов, как в других странах». Ну и дальше в том же духе. Представьте, каково мне было слушать этого сосунка, если за мной по пятам шли ищейки!

Как бы то ни было, я добрался до Парижа. Там продал часть своего золота и какое-то время думал, что отделался от слезки. Я решил, что наконец смогу немного отдохнуть, и видит бог, отдых мне был очень нужен, потому что к тому времени я был больше похож на привидение, чем на человека. Вам, наверное, никогда не приходилось скрываться от полиции? Нет-нет, не обижайтесь, я вовсе не хочу вас обидеть. Просто,

если бы вы через это хоть раз прошли, вы бы знали, как это изматывает.

Однажды вечером я пошел в оперу и снял целую ложу, деньги-то у меня были. Захотелось мне пожить на широкую ногу! В антракте я вышел из зрительного зала и там обратил внимание на одного человека, который вроде бы бесцельно прогуливался в фойе. Рассмотрев его на свету, я узнал того самого речного лоцмана, который поднялся к нам на борт на Темзе. На этот раз он был без бороды, но я узнал его сразу, ведь память на лица у меня дай бог.

Правду скажу, доктор, сначала я пришел в отчаяние. Если бы мы были одни, я там же и порешил бы его, но он, видать, слишком хорошо меня знал, чтобы предоставить мне такую возможность. Больше этого выносить я не мог, поэтому просто-напросто подошел к нему, оттащил за угол, где нас никто не видел, и спросил напрямую:

— Сколько вы еще будете меня преследовать?

Поначалу он, кажется, немного смутился, но потом понял, что отпираться бессмысленно, и юлить не стал.

— Пока ты не вернешься в Австралию, — ответил он.

— Вы что, не знаете, — спросил я, — что своей помощью полиции я заслужил помилование?

На его поганой морде расплылась улыбочка.

— Мы о тебе, Мэлони, все знаем, — сказал он. — Хочешь спокойно жить, возвращайся туда, откуда прибыл. Если останешься здесь, глаз мы с тебя не спустим. Оступишься хоть раз — пожизненная каторга тебе обеспечена, и это как минимум. Свободная торговля — дело, конечно, хорошее, но на нашем рынке своего отребья хватает, так что такой импорт нам ни к чему.

И показалось мне тогда, что в словах его что-то есть, хоть он и высказал все это довольно грубо. За несколько дней до того меня такая тоска по дому взяла! В Париже ведь люди живут совсем не так, как привык я. На улицах прохожие на меня оглядывались; если я заходил в бар, остальные посетители тут же замолкали и отсаживались подальше, будто я дикий зверь. За глоток старого доброго эвкалиптового пива я бы отдал ведро любого их вина, от которого с души воротит. Какой прок от денег, если ты не можешь ни одеться, как хочешь, ни напиться всласть?! Там никто не понимает, что человеку, когда совсем невмоготу, иногда нужно расслабиться немного, отвести

душу, так сказать. Из-за какого-нибудь разбитого окна шуму там поднимается больше, чем у нас в Нельсоне из-за убийства. Не по мне все это было. Надоела мне такая жизнь до чертиков.

— Так вы хотите, чтобы я вернулся? — спросил я у него.

— Мне приказано, пока ты здесь, не отходить от тебя ни на шаг, — ответил он.

— Что ж, — сказал я. — Почему бы и нет? Только при одном условии: обо мне никому ничего не рассказывать, чтобы я мог начать новую жизнь, когда вернусь.

Он согласился, и прямо на следующий день мы отправились в Саутгемптон[11], где он посадил меня на пароход. Я решил плыть в Аделаиду, подумав, что там, должно быть, обо мне никто и слыхом не слыхивал. Там я и осел. Снял квартиру прямо у полицейского участка и с тех пор жил там себе тихо-мирно. Все было бы ничего, если бы не последняя встреча с этим дьяволом Расписным Томом из Хоуксбери, из-за которой я сейчас здесь и нахожусь.

Не знаю, почему я вам все это рассказываю. Наверное, когда долго живешь в одиночестве, начинает тянуть на разговоры, когда выпадает такая возможность. Послушайте моего совета, доктор, никогда ничего не делайте для своей страны, потому что взамен от нее ничего хорошего вы не дождетесь. Пусть все сами решают свои проблемы. Если у них возникнут какие-нибудь трудности с тем, чтобы вздернуть пару-тройку негодяев, не вмешивайтесь, пусть они сами с этим разбираются. Может, когда я умру, они вспомнят, как обошлись со мной, и пожалеют, что так обидели человека, который столько для них сделал. Когда вы ко мне вошли, я немного грубовато повел себя, но вы не обижайтесь, просто такой я человек. Вы теперь, наверное, понимаете, что о прошлом мне вспоминать не так уж легко... Вы что, уже уходите? Ну что ж, надо, значит, надо. Надеюсь, вы как-нибудь еще ко мне заглянете, когда очередной обход будете делать. Постоите-ка, вы ж свою плитку табака забыли где-то здесь... А, она у вас в кармане... Ну, тогда ладно. Спасибо, доктор, хороший вы человек. Я такого приятного собеседника еще не встречал.

Через пару месяцев после того разговора со мной срок Вулфа Тона Мэлони истек и его освободили. Долгое время я о нем ничего не слышал и почти позабыл о нашей встрече, пока неожиданный и трагический инцидент не напомнил мне о нем. Как-то раз мне

понадобилось навестить одного пациента, который жил далеко от города. Обрато мне пришлось возвращаться поздно вечером. С трудом различая дорогу, я ехал на уставшей лошади между валунов и камней и неожиданно оказался у небольшого придорожного трактира. Я направил лошадь к двери, намереваясь спросить о дальнейшей дороге, но по шуму, доносящемуся изнутри, понял, что там происходит какая-то заваруха.

Слышались яростные крики двух спорщиков и целый хор голосов, призывавших к порядку и явно пытавшихся успокоить буянов. Я остановился и стал прислушиваться, но тут на какую-то секунду все стихло, после чего почти одновременно громыхнули два пистолетных выстрела. В тот же миг дверь трактира распахнулась и на лунный свет вывалились две темные фигуры. Какое-то время они простояли, вцепившись друг в друга, потом, продолжая бороться, повалились на землю и стали кататься в пыли между камней. Я спрыгнул с лошади и вместе с десятком парней, высыпавших из трактира, стал разнимать их. Растащить их удалось с большим трудом.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что один из них уже умирал. Это был дородный коренастый парень с упрямым взглядом. Из глубокой раны у него на горле хлестала кровь. Явно была перебита одна из важных артерий. Ничем помочь ему я уже не мог, поэтому обратил свое внимание на его врага, который лежал поодаль. У того оказалось прострелено легкое, но, когда я подошел, он все-таки приподнялся на руке и стал внимательно всматриваться в мое лицо. К своему удивлению, в этом худощавом мужчине с соломенными волосами я узнал своего случайного знакомого, Мэлони.

— А, доктор, это вы, — произнес он. — Как он? Выживет?

В его голосе мне послышалось такое искреннее беспокойство, что я решил, будто в последние минуты жизни его сердце вдруг смягчилось и ему стало страшно покидать этот мир, отяготив свою совесть еще одним убийством. Но, не желая скрывать правду, я скорбно покачал головой и сказал, что рана оказалась смертельной.

Мэлони из последних сил издал торжествующий крик, отчего изо рта у него хлынула кровь.

— Эй, парни, — задыхаясь, обратился он к окружившей его группке людей, — у меня во внутреннем кармане деньги. Плевать на расходы, угощаю всех... Не такой уж я плохой... Я бы и сам с вами

выпил, да уж, видно, не смогу... Налейте за меня доку, хороший он человек...

С этими словами голова его с глухим звуком запрокинулась, глаза последний раз блеснули — и душа Вулфа Тона Мэлони, фальшивомонетчика, бывшего заключенного, грабителя, убийцы и стукача, отлетела в Великое Неизведанное.

Не могу закончить, не приведя заметку об этом происшествии, которая появилась на страницах «Уэст-острелиэн сентинел». Те, кому это интересно, могут отыскать ее в номере за 4 октября 1881 года.

«РОКОВАЯ ССОРА

При весьма трагических обстоятельствах погиб В. Т. Мэлони, известный житель Нью-Монтроуса, владелец игорного салона «Желтолицый мальчик». Мистер Мэлони прожил бурную жизнь. Некоторые наши читатели, возможно, вспомнят дело о серии убийств в Лена-вэлли, в которых он играл ключевую роль. За семь месяцев, в течение которых он владел в тех местах баром, предположительно от двадцати до тридцати путешественников стали его жертвами. Несчастных сначала одурманивали наркотиком, а потом грабили или убивали. Однако преступнику каким-то образом удалось ускользнуть от полиции и скрыться на территории буша, неподалеку от Блюменсдайка, где он примкнул к банде беглых каторжников, героический арест и последующая казнь которых уже давно стали историей. Мэлони удалось избежать виселицы только потому, что он согласился выступить на суде со свидетельскими показаниями против своих сообщников. Впоследствии он уехал в Европу, но пробыл там недолго и скоро вернулся в Западную Австралию, где долгое время жил как добропорядочный гражданин и принимал активное участие в делах местной общины. В пятницу вечером он повстречал Томаса Гримторпа, больше известного как Расписной Том из Хоуксбери, с которым у него были давние счеты.

Прогревели выстрелы, и оба заклятых врага получили смертельные раны. Мистера Мэлони запомнят не только как самого кровавого убийцу в истории, но и как человека, чьи свидетельские показания своей четкостью, обстоятельностью и подробностями удивили даже выдавших виды юристов. Ни один европейский

Долина Ужаса

Часть 1 Трагедия в Берлстоуне

Глава 1 Предупреждение

— Я тут подумал, что...
— Давайте думать буду я, — резко оборвал меня Шерлок Холмс.

Мне всегда казалось, что я наделен просто ангельским терпением, но должен признать, что это язвительное замечание меня сильно задело.

— Знаете, Холмс, — сухо произнес я, — вы порой становитесь просто несносны.

Он был слишком занят своими мыслями, чтобы сразу ответить на мое замечание. Подперев голову рукой, он сидел над нетронутым завтраком и рассматривал небольшой листок бумаги, который только что достал из конверта. Потом он взял конверт, поднес к свету и очень внимательно осмотрел его с обеих сторон.

— Это почерк Порлока, — задумчиво произнес он. — Да, я почти не сомневаюсь, это почерк Порлока, хотя до сих пор мне его приходилось видеть всего пару раз. Характерная прописная «Е» с интересным завитком сверху... Но, если это Порлок, дело должно быть исключительной важности.

Холмс скорее размышлял вслух, чем обращался ко мне, но слова его так меня заинтересовали, что я даже позабыл об обиде.

— А кто это — Порлок?

— Порлок, Ватсон, это *pot-de-plume*[12], всего лишь способ обозначить себя, но за ним скрывается ловкая и сноровистая личность. В предыдущем письме он честно признался, что это не настоящее его

имя, и даже предложил мне разыскать его среди миллионов жителей этого огромного города. Но Порлок сам по себе не интересен. Интересен тот великий человек, с которым он связан. Представьте себе рыбу-лоцмана рядом с акулой или шакала, который всюду следует за львом... Да все, что угодно незначительное, что сопровождает нечто большое. И не просто большое, Ватсон, но опасное... в высшей степени опасное и злое. Его я представляю себе таким. Я вам когда-нибудь рассказывал о профессоре Мориарти?

— А, это тот ученый преступник, который так же знаменит среди жуликов, как...

— Не заставляйте меня краснеть, Ватсон! — смущенно махнул рукой Холмс.

— Я хотел сказать: как и совершенно не известен обычным людям.

— Bravo, Ватсон! Bravo! — воскликнул Холмс. — Я вижу, вы уже научились язвить. Нужно будет придумать, как от этого защищаться. Но то, что вы называете Мориарти преступником, с точки зрения закона является клеветой... И в этом заключается непостижимость ситуации! Величайший комбинатор всех времен, организатор и вдохновитель всех самых жестоких и коварных преступлений, злой мозг криминального мира, разум, который мог бы вершить судьбы наций... Вот какого масштаба этот человек! Но перед законом он настолько чист, более того, ведет такой незаметный и совершенно законопослушный образ жизни, что его не то что нельзя обвинить, он сам бы мог привлечь вас к ответственности за только что произнесенные слова и получить вашу годовую пенсию в качестве возмещения за клевету, попранное достоинство. Это ведь он является автором той самой знаменитой «Динамики астероида», книги, которая поднимается к таким высотам чистой математики, что, как выяснилось, в научном мире не нашлось никого, кто мог бы дать ей достойную критическую оценку. И на такого человека вы наговариваете! Несдержанный на слова доктор и ставший жертвой клеветнических нападок профессор — вот какие роли были бы вам уготованы. Говорю вам, это гений, Ватсон. Но ничего, дайте мне время, я и до него доберусь.

— О, как хотел бы я это видеть! — в порыве воскликнул я. — Но вы говорили об этом человеке, Порлоке.

— Ах да... Человек, которого мы знаем под именем Порлок, — это одно из звеньев цепочки, ведущей к его великому спутнику. И, честно говоря, не самое надежное. Но это единственное слабое звено, которое я нашел.

— Но ведь прочность любой цепи измеряется прочностью самого слабого звена.

— Совершенно верно, дорогой Ватсон! Именно поэтому Порлок так важен. Кое-какие зачатки добра, еще оставшиеся в его душе, плюс десять фунтов, которые я время от времени ему подбрасываю на всякий случай, — в результате я пару раз получал от него предварительные сведения о планах преступников... Бесценные сведения, которые дают возможность предвидеть и предотвратить преступление, а не помогают раскрыть его. Не сомневаюсь, если бы у нас был ключ к шифру, мы бы выяснили, что его письмо как раз из разряда таких предостережений.

Холмс положил записку на оставшуюся неиспользованной тарелку, я встал, подошел к нему и посмотрел на это необычное послание. Вот что я увидел:

534 П 13 127 36 31 4 17 21 ДУГЛАС 41 109 293 5 37 БЕРЛСТОУН
26 «БЕРЛСТОУН» 9 47 171

— Что это по-вашему, Холмс?

— Очевидно, некое зашифрованное послание.

— Какой смысл присылать шифровку, не указав ключа к шифру?

— В данном случае никакого.

— Что значит «в данном случае»?

— То, что существует множество шифров, прочитать которые для меня не сложнее, чем криптограммы в газетах в разделе частных объявлений. Подобного рода ухищрения скорее являются разминкой для ума, чем настоящей задачей. Но здесь другой случай. Несомненно, это указание на определенные слова на странице какой-то книги. Пока я не узнаю, что это за книга и на какую страницу нужно смотреть, прочитать послание невозможно.

— А почему слова «Дуглас» и «Берлстоун» не зашифрованы?

— Разумеется, потому что их не оказалось на данной странице книги.

— Тогда почему он не указал книгу?

— Ваша врожденная осторожность, Ватсон, та присущая вам осмотрительность, которой так восхищаются ваши друзья, тоже не позволила бы вам посылать и шифровку, и ключ к шифру в одном конверте. Попади такое послание не в те руки, его не составило бы труда прочитать. С минуты на минуты должны принести почту, и я сильно удивлюсь, если мы не получим второго письма с объяснением или, что более вероятно, саму книгу, к которой относятся эти цифры.

Расчеты Холмса очень скоро полностью подтвердились, когда Билли, помогающий нам по хозяйству мальчишка, принес ожидаемое письмо.

— Та же рука, — вскрывая конверт, сказал Холмс. — О, оно даже подписано, — ликующим голосом добавил он, развернув сложенный пополам листок. — Дело продвигается, Ватсон.

Однако, когда он прочитал послание, по лицу его пробежала тень.

— Какая жалость! Боюсь, Ватсон, что наши ожидания окажутся напрасными. Надеюсь, Порлоку ничего не угрожает. Послушайте, что он пишет:

«Дорогой мистер Холмс,

Я выхожу из этого дела — слишком опасно. Он меня подозревает. Я это чувствую. Когда я подписывал этот конверт, в котором собирался отправить ключ к шифру, он вошел в комнату так неожиданно, что мне едва удалось кое-как прикрыть Ваш адрес. Если бы он его увидел, у меня были бы очень большие неприятности. Я вижу, с каким подозрением он на меня смотрит. Прошу Вас, сожгите мое предыдущее письмо с шифром. Оно Вам не пригодится.

Фред Порлок».

Прочитав письмо, Холмс надолго задумался, устремив хмурый взгляд на огонь в камине.

— В конце концов, — наконец сказал он, взвесив записку на ладони, — может быть, никакого повода для беспокойства и нет. Вполне возможно, это лишь его разыгравшееся воображение. Понимая, что является предателем, он мог прочитать в чужих глазах обвинение, которого там на самом деле не было.

— А «он» — это, надо полагать, профессор Мориарти.

— Да. Когда такие люди говорят «он», можете не сомневаться, кого они имеют в виду. Для них всех есть лишь один «ОН».

— Ну, и что такого он может сделать?

— Хм. На этот вопрос трудно ответить. Когда твоим врагом становится один из умнейших людей Европы, в руках которого сосредоточены все силы зла, возможности просто безграничны. Как бы то ни было, мой друг Порлок напуган до смерти... Можете сравнить его почерк в записке и на конверте, который он подписывал, как указано, еще до этого зловещего визита. Один почерк четкий и уверенный, второй — едва читаемый.

— А почему он все-таки решил писать? Он же мог просто выбросить конверт.

— Побоялся, что я захочу узнать, что случилось, а это могло бы выдать его.

— Несомненно, — сказал я. — Очевидно, так и есть. — Я поднял первое письмо и еще раз вчитался в него. — Как все-таки обидно иметь в руках важнейшее послание и понимать, что прочитать его вне человеческих возможностей.

Шерлок Холмс отодвинул давно остывший завтрак и взялся за трубку, которую всегда курил, когда нужно было крепко подумать. Комната наполнилась зловонным табачным дымом.

— Вот что интересно, — сказал он, откидываясь на спинку стула и устремляя взгляд в потолок, — мне кажется, что некоторые обстоятельства все же ускользнули от вашего макиавеллиевского ума. Давайте рассмотрим это дело в свете чистой логики. Примем за основу то, что этот человек отсылает нас к определенной книге.

— Довольно шаткая основа.

— Посмотрим, удастся ли нам как-то ее укрепить. Чем больше я думаю об этой загадке, тем менее неразрешимой она мне кажется. Какие указания имеем мы относительно этой книги?

— Никаких!

— Ну-ну, не все так плохо. Зашифрованное послание начинается с небольшого числа 534, верно? Можно принять за рабочую гипотезу, что 534 — это указание на ту страницу, которая является ключом к шифру. Таким образом, книга наша должна быть толстой. Это уже что-то. Что еще мы можем о ней выяснить из записки? Далее идет знак II. Что это по-вашему, Ватсон?

— Конечно же, указание на главу.

— Вряд ли. Я думаю, вы не станете спорить, что, сообщив страницу, указывать главу не имеет смысла. К тому же если на 534

странице книга доходит только до второй главы, то длина глав в ней превосходит любые разумные пределы.

— Значит, это столбец!

— Превосходно, Ватсон! Сегодня вы просто блещете умом. Готов спорить на что угодно, что это именно столбец. Итак, начинает вырисовываться толстая книга, в которой текст набран столбцами, причем достаточно длинными, поскольку среди указанных слов есть даже двести девяносто третье. Может ли логика подсказать нам что-либо еще?

— Боюсь, больше мы ничего не узнаем.

— Вы к себе несправедливы. Ну же, Ватсон, еще одно усилие, еще одна гениальная догадка! Если бы книга была какой-то необычной, он прислал бы ее нам. Но он этого не делает, судя по размеру конверта, выбранного прежде, чем его планы были нарушены; он хотел лишь сообщить, о какой книге идет речь. Он сам пишет об этом в письме. Это указывает на то, что, как он считает, мне не составит труда самому раздобыть эту книгу. Книга эта есть у него, он уверен, что она есть и у меня. Другими словами, это очень распространенная книга.

— То, что вы говорите, звучит довольно правдоподобно.

— Итак, наши поиски теперь можно ограничить. Нас интересует очень распространенная толстая книга, набранная в два столбца.

— Библия! — взволнованно воскликнул я.

— Хорошо, Ватсон, хорошо. Но не совсем. Предположим, я мог бы иметь ее, но мне кажется совершенно неправдоподобным, чтобы эта книга была всегда под рукой у одного из помощников Мориарти. К тому же Святое Писание имеет очень много разных изданий, и вряд ли бы он посчитал, что нумерация страниц в моей и его копиях совпадет. Нет, эта книга должна быть стандартной, одинаковой во всех изданиях. Он уверен, что его пятьсот тридцать четвертая страница не отличается от моей пятьсот тридцать четвертой.

— Но таких книг очень немного.

— Вот-вот. В этом наше спасение. Теперь мы ограничены лишь книгами, которые всегда перепечатываются в одном и том же виде и которые могут найтись в любом доме.

— Железнодорожный справочник! «Брэдшо»!

— Нет, Ватсон, с этим тоже есть сложности. Лексикон «Брэдшо» хоть и емкий, но ограничен. Набор слов в нем вряд ли подходит для

того, чтобы пользоваться им для составления посланий общего содержания. Исключим «Брэдшо» из нашего списка. От словарей, боюсь, придется отказаться по той же причине. Что же остается?

— Какой-нибудь ежегодник?

— Блестяще, Ватсон! Голову даю на отсечение, что вы попали в точку! Ежегодник! Давайте рассмотрим энциклопедический ежегодник Витакера. Он достаточно распространен, в нем интересующее нас количество страниц, текст набран в два столбца. Если в предыдущих изданиях язык его был довольно сух, то в последнем, если я не ошибаюсь, ситуация как раз обратная. — Холмс взял с письменного стола том. — Итак, вот страница пятьсот тридцать четыре, второй столбец. Здесь большая статья, посвященная... торговле и экономическим ресурсам Британской Индии. Записывайте слова, Ватсон. Тринадцатое — «Маратхи». Боюсь, не самое обнадеживающее начало. Сто двадцать седьмое — «правительство». Тут есть хоть какой-то смысл, хоть к нам и к профессору Мориарти вряд ли применимый. Что ж, попробуем дальше. Чем же занимается правительство Маратхи? М-да! Следующее слово — «щетину». Ничего не вышло, мой дорогой Ватсон. Все кончено!

Голос у него был веселым, но по тому, как густые брови сошлись у него над переносицей, я понял, что мой друг расстроен и недоволен. Признаться, я тоже не был готов к неудаче. Насупившись, я стал смотреть на огонь. Долгое молчание нарушил неожиданный возглас Холмса.

— Ватсон! Все дело в том, что мы с вами живем в ногу со временем и вооружены самыми последними справочниками. Поэтому и поплатились! — снова оживился он. — Сегодня всего лишь седьмое января, а у нас уже имеется свежий ежегодник. Я более чем уверен, что Порлок, составляя шифровку, пользовался предыдущим изданием. Несомненно, он сообщил бы мне об этом, если бы все-таки написал письмо с объяснением. Давайте посмотрим, что нам даст пятьсот тридцать четвертая страница прошлогоднего издания. Тринадцатый номер — «вскоре», и это уже на что-то похоже. Номер сто двадцать семь — «опасность», — глаза Холмса заблестели, длинные худые пальцы крепче впились в книгу. — «Будет», — продолжал он называть слова. — Ха! Ха! Превосходно! Записывайте, Ватсон. «Вскоре опасность будет... грозить... человек... по... фамилии». Потом у нас

указано Дуглас. «Сельский... богач... сейчас... проживает... в... Берлстоун... усадьба «Берлстоун»... уверенность... дело... срочно». Ну вот, Ватсон. Что вы теперь скажете о чистой логике и ее возможностях? Надо послать Билли к зеленщику, может, у него имеются в продаже лавровые венки.

Я удивленно рассматривал получившееся послание, которое записывал под диктовку Холмса на листе бумаги, разложенном на моем колене.

— Что за странная манера излагать свои мысли! — заметил я.

— Наоборот, он прекрасно справился с задачей, — возразил Холмс. — Когда тебе необходимо подобрать слова, а в твоём распоряжении имеется всего лишь один столбец текста, нельзя надеяться, что в нём найдётся все, что тебе нужно. Хочешь не хочешь, придётся полагаться на догадливость своего корреспондента. Смысл послания совершенно ясен. Замышляется определенное преступление, жертвой которого должен стать некто Дуглас, богатый сельский джентльмен, проживающий в указанном поместье. В том, что дело серьёзное и срочное, Порлок не сомневается... «Уверенность» — самое близкое по смыслу к «уверен» слово, которое он нашел в тексте. Все встало на свои места! Да, пришлось нам потрудиться!

Холмс приосанился, преисполнился сдержанной гордости, как художник, стоящий рядом со своим лучшим творением, хотя совсем недавно, когда потерпел неудачу, испытывал не меньшее по силе противоположное чувство. Он все еще наслаждался успехом, когда Билли распахнул дверь и в комнату стремительным шагом вошел инспектор Макдональд из Скотленд-Ярда.

Это происходило в самом начале восьмидесятых годов, когда имя Алека Макдональда еще не гремело на всю страну. Тогда это был молодой, подающий надежды детектив, который успешно провел несколько дел. При взгляде на высокого подтянутого молодого инспектора становилось понятно, что он наделен не только исключительной физической силой, но и острым умом, о чем свидетельствовали крупный череп и глубоко посаженные яркие глаза, поблескивающие под густыми бровями. Алек Макдональд был молчаливым, аккуратным человеком, педантичным и упорным, разговаривал с сильным абердинским акцентом.

За свою карьеру он уже дважды обращался к Холмсу за помощью, и оба раза мой друг помогал ему добиться успеха, причем делал это совершенно бескорыстно, поскольку интеллектуальное удовлетворение от работы было для него лучшей наградой. По этой причине шотландец относился к своему коллеге с огромным уважением и восхищением и обращался к нему всякий раз, когда сталкивался с какими-либо трудностями. Посредственность не приемлет ничего выше себя, но талант мгновенно распознает гений, и Макдональд был достаточно талантлив в своей профессии, чтобы понимать, что нет ничего зазорного в том, чтобы принимать помощь от лучшего и опытнейшего специалиста во всей Европе. Нельзя сказать, чтобы Холмс считал его своим другом, но всегда был рад встрече с этим энергичным шотландцем.

— А вы ранняя пташка, мистер Мак! — воскликнул он. — Удачи вам с поиском червячка. Впрочем, боюсь, что вы к нам пожаловали не просто так, а по делу.

— Если бы вы сказали не «боюсь», а «надеюсь», это было бы ближе к истине, мистер Холмс, — улыбнулся в ответ инспектор. — Сегодня утром так холодно, вот я и решил заскочить к вам на секунду немного согреться. Нет, я не буду курить, спасибо. Долго засиживаться у вас тоже не буду — вы же знаете, чем раньше берешься за дело, тем лучше. Но... но...

Инспектор вдруг замолчал и в полном недоумении впился глазами в листок бумаги на столе, тот самый, на котором я записывал загадочное послание.

— Дуглас! — неуверенным голосом, запинаясь произнес он. — Берлстоун! Что это, мистер Холмс? Я не верю своим глазам! Откуда вы об этом знаете?

— А, это мы с доктором Ватсоном прочитали одну шифровку. Но почему... Что произошло с этим Дугласом?

— Только то... — инспектор перевел удивленный взгляд на меня, потом снова посмотрел на Холмса. — Только то, что мистер Дуглас, проживающий в усадьбе «Берлстоун», этой ночью был зверски убит.

Глава 2 Шерлок Холмс рассуждает

Именно ради таких драматических моментов и жил мой друг. Было бы преувеличением сказать, что он был поражен или даже взволнован этим неожиданным известием. Нет, этот удивительный человек не был бездушным, просто долгая жизнь в постоянном нервном возбуждении притупила его чувства. Впрочем, хоть душевные переживания и были чужды ему, в тот миг интеллектуальное возбуждение его достигло предела. Ничего подобного тому ужасу, который испытал я, на его лице не отразилось, скорее, на нем появилось выражение заинтересованности, как у химика, наблюдающего образование кристаллов в перенасыщенном растворе.

— Любопытно, — сказал он. — Очень любопытно!

— Вы, похоже, вовсе не удивлены?

— Скорее заинтересован, чем удивлен, мистер Мак. Чему тут удивляться? Из достоверного, хоть и анонимного источника я получаю предупреждение о том, что определенному человеку угрожает опасность, и не проходит и часа, как я узнаю, что опасность эта материализовалась и человек погиб. Как вы верно заметили, меня это совершенно не удивляет.

Он в нескольких словах рассказал инспектору о письме и шифре. Макдональд слушал его молча, подперев сцепленными ладонями подбородок, его кустистые рыжие брови были напряженно сдвинуты.

— Сегодня утром я собирался ехать в Берлстоун, — сказал он. — К вам я зашел спросить, не хотите ли вы поехать со мной... Вы с доктором Ватсоном. Но теперь мне начинает казаться, что нам полезнее задержаться в Лондоне.

— Я так не думаю, — возразил Холмс.

— Черт подери, мистер Холмс! — вскипел инспектор. — Через день-два все газеты будут трубить о берлстоунской загадке. Но где же тут загадка, если в Лондоне нашелся человек, который предсказал это преступление еще до того, как оно было совершено? Все, что нам нужно, это найти этого человека.

— Несомненно, мистер Мак. Но как вы предлагаете искать этого так называемого Порлока?

Макдональд повертел в руках конверт, который протянул ему Холмс.

— Отправлено из Камберуэлла... Это нам мало поможет. Имя, как вы говорите, вымышленное. Действительно, негусто. Вы, кажется,

упоминали, что посылали ему деньги?

— Дважды.

— И как вы это делали?

— Переводом до востребования в Камберуэллское почтовое отделение.

— А вы когда-нибудь узнавали, кто их получал?

— Нет.

Инспектор сильно удивился.

— Но почему?

— Потому что я всегда держу свое слово. Когда он первый раз написал мне, я обещал, что не стану выслеживать его.

— Вы думаете, за ним кто-то стоит?

— Я не думаю, я это знаю.

— Тот профессор, о котором вы как-то упоминали?

— Совершенно верно.

Инспектор Макдональд улыбнулся и бросил на меня многозначительный взгляд.

— Мистер Холмс, я не буду от вас скрывать, мы в управлении считаем, что у вас что-то вроде пунктика по поводу этого профессора. Я сам навел о нем справки. Похоже, это вполне уважаемый и образованный человек, талантливый ученый.

— Я рад, что вы хотя бы признаете его талантливость.

— Да как же не признать-то? После того что вы о нем рассказывали, я посчитал своим долгом встретиться с ним. Мы с ним поговорили о затмениях. Уж я не знаю, как наш разговор на такую тему перешел, но у него там были зеркальный фонарик и глобус, и он вмиг мне растолковал, как это все происходит. Он даже книжку мне всучил, хотя, если честно, я в ней ровным счетом ничего не понял, несмотря на то, что у меня прекрасное абердинское образование. Мне он показался больше всего похожим на какого-нибудь министра: худое лицо, седые волосы, важная манера говорить. Когда мы расставались, он положил мне руку на плечо, как отец, отпускающий сына в большой жестокий мир.

Холмс рассмеялся.

— Великолепно! — воскликнул он, потирая руки. — А скажите, друг мой Макдональд, эта милая трогательная беседа проходила в кабинете профессора?

— Да.

— И, должно быть, это очень неплохая комната, верно?

— Очень неплохая... Действительно, вполне приличная комната, мистер Холмс.

— Он принимал вас, сидя за своим письменным столом?

— Совершенно верно.

— И солнце светило вам в глаза, а его лицо оставалось в тени.

— Ну, это было вечером, но на меня была направлена лампа.

— Разумеется. Вы случайно не обратили внимание на картину на стене над профессорской головой?

— Я на все обращаю внимание, мистер Холмс. Должно быть, у вас этому научился. Да, я видел картину. На ней была изображена молодая женщина, склонившая голову на руки и смотрящая немного в сторону.

— Эта картина кисти Жана Батиста Греза.

Инспектор постарался принять заинтересованный вид.

— Жан Батист Грез, — продолжил Холмс, откинувшись на спинку кресла и соединив перед собой кончики пальцев, — это французский живописец, расцвет которого пришелся на период между тысяча семьсот пятидесятым и тысяча восьмисотым годами. Я, разумеется, имею в виду творческий расцвет. Современные исследователи ценят работы этого мастера намного выше, чем его современники.

Взгляд инспектора сделался рассеянным.

— Может быть, нам бы стоило... — неуверенно произнес он.

— Мы этим и заняты, — оборвал его Холмс. — Все, что я говорю, имеет важное и самое непосредственное отношение к делу, которое вы окрестили «берлстоунской загадкой». Более того, в некотором роде это можно даже назвать его сутью.

Макдональд слабо улыбнулся и посмотрел на меня, как будто ища поддержки.

— Я не поспеваю за вашими мыслями, мистер Холмс. Вы не все объяснили, и я совершенно потерял нить ваших рассуждений. Какое вообще отношение имеет этот давно умерший художник к тому, что произошло в Берлстоуне?

— Для сыщика полезны любые знания, — заметил Холмс. — Даже такой незначительный факт, что в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году на аукционе Портали картина Греза «La Jeune Fille a l'Agneau»[13]

была продана за один миллион двести тысяч франков, а это больше сорока тысяч фунтов, может направить ваши мысли в нужное русло.

По лицу инспектора было видно, что так и произошло. Его брови поползли вверх.

— Кроме того, могу напомнить вам, — продолжил Холмс, — что профессорский оклад — не тайна. Заглянув в любой справочник, вы увидите, что он составляет семьсот фунтов в год.

— Каким же образом он смог купить...

— Именно! Как он смог?

— Так-так-так. Очень интересно, — задумчиво пробормотал инспектор. — А что вам еще известно, мистер Холмс? Продолжайте, я с удовольствием вас еще послушаю.

Холмс улыбнулся. Искреннее восхищение ему, как и любому великому творцу, всегда доставляло удовольствие.

— А как же Берлстоун? — ядовито спросил он.

— Внизу меня ждет кеб, — сказал инспектор, взглянув на часы, — и до вокзала Виктории ехать от силы минут двадцать, так что время у нас еще есть. Но по поводу этой картины, мистер Холмс... Я помню, вы как-то раз обмолвились, что никогда не встречались с профессором Мориарти.

— Так и есть.

— Тогда откуда же вам известно, как выглядит его кабинет?

— Это уже другой вопрос. В его кабинете я побывал три раза. Дважды я дождался его под разными предлогами и уходил, не дождавшись. В третий раз... Вообще-то мне бы не стоило рассказывать этого полицейскому инспектору, но в третий раз я позволил себе покопаться в его бумагах... И результаты оказались самыми неожиданными.

— Вы обнаружили что-то компрометирующее?

— Нет, ничего такого там не было. Как раз это и удивило меня больше всего. Но, думаю, вы поняли, почему я обратил ваше внимание на эту картину. Ее наличие в этом кабинете указывает на то, что профессор очень богат. Откуда у него деньги? Он не женат. Младший брат его работает начальником железнодорожной станции где-то на западе Англии. Профессорское кресло приносит ему семьсот фунтов в год. Но в кабинете у него висит Грез!

— И что?

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ